

© 2004 г. О.В. ХАНИНА

ЖЕЛАНИЕ: КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена семантической зоне желания и ее языковому оформлению. Мы ограничиваемся рассмотрением желания, исходящего от участника некоторой ситуации действительности, т.е. не затрагиваем желание говорящего¹. Приведем русские предложения, иллюстрирующие объект исследования:

- (1) (а) *Я хочу уйти. Я хочу, чтобы Вася ушел.*
 (б) *Ты хочешь уйти. Ты хочешь, чтобы Вася ушел.*
 (в) *Петя хочет уйти. Петя хочет, чтобы Вася ушел.*

Как видно из (1а), в ряде случаев, однако, мы имеем дело в том числе и с желанием говорящего: это происходит тогда, когда говорящий трактуется тем или иным языком как один из участников ситуации, т.е. его желание оформляется тем же способом, что и желание других участников ситуации. Стоит также отметить, что в основном далее рассматривается желание, направленное на ситуацию, а не на объект (ср. *Петя хочет яблоко*), поскольку средства выражения желания (СВЖ), направленного на объект, в большинстве языков мира не характеризуются никакими специальными свойствами.

Желание участника ситуации практически никогда не рассматривается современной лингвистикой как отдельный языковой феномен, однако описания тех или иных способов выражения желания встречаются регулярно в теоретических работах, посвященных модальности или сложному предложению, а также в описательных грамматиках. Рассмотрим каждый из этих источников по отдельности.

Авторы теоретических работ по модальности (ср., например [Плунгян 2000; Bybee et al. 1994; Palmer 1986]) считают желание принадлежащим модальности и, следовательно, описывают его наряду с другими модальными значениями. Подобный подход основывается на том, что существует немало языков, в которых средства выражения желания по своим формальным свойствам в той или иной степени аналогичны средствам выражения основных модальных значений – возможности и необходимости (см. фактический материал в 2.1). Для обоснования неочевидного на первый взгляд единства этих модальных значений и значения желательности упомянутые теоретические работы используют одну из двух следующих моделей.

В первом случае речь идет о параметрических определениях модальности: задается ряд параметров, каждый из которых позволяет отнести то или иное значение к

¹ Желание говорящего является более привычным объектом лингвистических исследований: так, оно почти всегда рассматривается при описании системы наклонений и/или модальности. Речь идет, во-первых, о таком широко известном наклонении как повелительное (императивное) наклонение, рассматриваемое в десятках теоретических работ, и, во-вторых, о менее распространенном опативном наклонении, намного реже являющемся предметом теоретических исследований (ср. подобную работу [Добрушина 2001]).

модальным, причем важно наличие хотя бы одного из параметров. Именно так выглядит определение модальности в классической работе [Palmer 1986], автор которой во многом ссылается на не менее фундаментальный труд [Lyons 1977]: оно насчитывает от четырех до шести пунктов². Двумя семантическими "центрами консолидации" ограничивается [Плунгян 2000]: таковыми являются отношение говорящего к ситуации (оценка) и статус ситуации по отношению к реальному миру (ирреальность). Единство значения желательности и других модальных значений достигается, таким образом, наличием у них общих семантических компонентов, которые и являются такими параметрами. Важно отметить, что наличие различий между рассматриваемыми значениями не отрицается, однако и не является актуальным для параметрического подхода.

Вторая модель возникла в рамках одной из значительных функциональных теорий последних десятилетий – 'диахронической морфологии' (см. [Bybee 1985; Bybee et al. 1994]). Ее авторы интерпретируют модальность следующим образом. "Категория наклонения лучше всего видна, если представлять ее как набор диахронически соотносенных функций, и ...настоящее понимание модальности возникнет из исследования этих диахронических отношений" [Bybee et al. 1994: 176]³. Действительно, например, *способность* некоторого участника ситуации или его *желание* сделать что-либо отличаются от центральных модальных значений *возможности* и *необходимости* на много больше, чем последние два друг от друга. Диахронический же подход к данной проблеме предлагает не проводить четких границ между модальными и не-модальными значениями вообще, а, по сути, решать вопрос о принадлежности того или иного значения к данной семантической зоне для каждого языка отдельно. В случае желания утверждается, что, поскольку оно часто диахронически связано с "настоящей" модальностью⁴, необходимо его описывать, чтобы построить адекватную и всеобъемлющую картину модальности в том или ином языке. Таким образом, единство значений желательности и основных модальных значений достигается смягчением формулировки: возможно, желание и не является разновидностью модальности в строгом смысле, однако, в любом случае, тесно с ней связано.

Однако определяя степень связанности семантической зоны желательности и модальности, вышеупомянутые исследования, вполне логичным образом, не задавались вопросом, с чем еще может быть связано значение желания или средства его выражения. В то же время тот факт, что желание участника ситуации часто выражается предикатом с валентностью на ситуацию (=матричным предикатом), привлек к нему внимание исследователей сложного предложения вообще и конструкций с сентенциальными актантами (КСА) в частности.

Эта область лингвистики относит средства выражения желания уже не к модальности, а к такой семантической группе матричных предикатов как 'глаголы желания' (verbs of desire), причем они практически никогда не объединяются с модальными предикатами. Примечательно, что в данном случае подобное разделение действительно оправдано: в большинстве языков мира последние устроены отлично от предикатов желания⁵. В то же время предикаты желания очень часто не отличаются по своим свойствам от матричных предикатов эмоций, восприятия, мышления, что

---

² Собственно автор не говорит о том, что его определение является параметрическим: в части "Определение модальности" он перечисляет основные свойства модальности, которые могут быть сгруппированы в 4–6 параметров.

³ "The category of mood is best viewed as a set of diachronically related functions, and ... a real understanding of modality will emerge from a study of these diachronic relations".

⁴ Оно или само развивается из основных модальных значений, или последние развиваются из него (ср. [Bybee et al. 1994; Heine 1994]).

⁵ Из 33 матричных предикатов желания, засвидетельствованных в нашей выборке, только 11 сближаются по своим семантическим свойствам (имеют дополнительные модальные значения) и/или синтаксическим свойствам (используют ту же стратегию оформления своих зависимых) с модальными предикатами.

имплицитно их отнесение к соответствующим группам, нередко расширяемое исследователями до универсального, т.е. верного для всех языков (ср. [Givón 1980; Noonan 1985; Ransom 1985]).

Таким образом, теоретические работы, посвященные сложному предложению, считают семантическую зону желания частично или полностью идентичной семантическим зонам мышления, эмоций или восприятия, зачастую никак не комментируя связь последних с модальностью. Вполне закономерно, что подобная ситуация – принципиально разные интерпретации одного и того же языкового объекта различными областями теоретической лингвистики – приводит в замешательство авторов описательных грамматик. При существовании изначальных презумпций о природе падежа, аспекта, обстоятельственных предложений и т.д. (т.е. теоретических положений, необходимых для успешного функционирования любой практической дисциплины), какие бы то ни было предположения о сущности желания и аппарате описания данного значения отсутствуют.

Информация о данной семантической зоне может находиться как в морфологических, так и синтаксических разделах, причем ее местоположение внутри каждого также крайне непредсказуемо. Приведем несколько примеров.

Так, в грамматиках тамильского языка [Asher 1985: 105] и языка телугу [Krishnamurti, Gwupl 1985: 85] интересующая нас тема затрагивается в главах о падежном оформлении, поскольку глаголы желания, как и некоторые другие, имеют такую отличительную черту, как нестандартное падежное оформление своих ядерных актантов. Отметим, что в разделах, посвященных сложному предложению или модальности, информация о средствах выражения желания не приводится вовсе.

В грамматике языка амеле [Roberts 1987: 317] средства выражения желания рассматриваются в разделе "Безличные глаголы". С одной стороны, это действительно закономерно, поскольку конструкция, выражающая желание участника ситуации, с точки зрения ее морфосинтаксического устройства представляет собой одну из разновидностей безличных конструкций. С другой стороны, подобная ситуация вводит в заблуждение читателя, который, даже интересуясь желанием, может не заглянуть в этот, на первый взгляд, никак не связанный с ним раздел.

Грамматика языка ава пит [Curnow 1997: 166] рассматривает средства выражения желания в разделе "Глагольная деривация и изменения валентности", в котором читатель ожидает встретить, прежде всего, информацию о процессах актантажной деривации, существующих в этом языке, а не о классическом дезидеративном аффиксе.

Еще раз подчеркнем, что подобная ситуация обусловлена отнюдь не низким качеством упомянутых работ⁶, а отсутствием какой бы то ни было единой теории желания участника ситуации. Действительно, в тех случаях, когда существующая грамматическая теория согласуется с наблюдаемыми языковыми фактами, авторы грамматик с готовностью ей следуют.

Так, значение желания обычно считается модальным и, следовательно, рассматривается в разделе "модальность" грамматического описания, если в данном языке средства его оформления совпадают со средствами выражения "основных" модальных значений, ср. языки марикопы (Северная Америка, группа хокан, см. [Gordon 1986]), айнский (Дальний Восток, изолят, см. [Refsing 1986]). Однако в противоположном случае этого обычно не происходит. Очевидный пример подобной трактовки предоставляют грамматические традиции двух близкородственных языков – английского и немецкого. В первом из них предикат *want* 'хотеть' присоединяет, в отличие от таких модальных предикатов как *must* 'быть должным', *can* 'мочь' и др., зависимую предикацию с помощью инфинитивной частицы *to* и, соответственно, практически никогда

⁶ Напротив, все они являются образцами чрезвычайно исчерпывающих грамматических описаний, о чем, в частности, говорит сам факт наличия в них информации о средствах выражения желания.

не рассматривается грамматистами как модальный. В то же время в немецком языке предикат *wollen* 'хотеть' всегда рассматривается в разделе 'модальность' поскольку он, наряду с такими "однозначно" модальными предикатами как *müssen* 'быть должным', *konnen* 'мочь' и др., присоединяет зависимую предикацию без помощи инфинитивной частицы *zu*.

Досадным следствием подобной разобщенности в подходе к различным средствам выражения желания оказывается отсутствие классификации разных типов желания. При наличии большого количества языков, в которых наряду с морфологическим дери-вативом (т.е. специальным глагольным аффиксом) существуют матричные предикаты со значением желания, практически отсутствуют описания их распределения, и вопрос 'зачем языку два одинаковых средства' остается для подобных грамматик открытым. Действительно, сравнение различных средств, пусть и с похожей семантикой, но принадлежащих ведению различных частей грамматического описания, встречается крайне редко⁷.

Итак, можно утверждать, что все лингвистические исследования, так или иначе затрагивающие семантическую зону желания, ориентированы на формальную сторону проблемы⁸. Место желания в языковой системе определяется в зависимости от средств его выражения (аффиксы, стоящие в одном ряду с модальными, матричные предикаты, аналогичные эмотивным / мыслительным предикатам, и т.д.). Какова же в действительности семантика ситуации желания? Действительно ли она меняется от языка к языку и универсальные обобщения о ее природе невозможны?

Опираясь на постулат об исходной точке описания, сформулированный в [Кибрик 1992: 24], "исходными объектами лингвистического описания следует считать значения... и им ставить в соответствие выражающие их языковые формы", мы поставили своей целью подойти к семантической зоне желания как к единому, прежде всего с концептуальной точки зрения, объекту. Если существующие на данный момент исследования исходят из того или иного типа языковых средств и, вследствие этого, оказываются неспособными охватить всю данную семантическую зону, то перспективным мог бы оказаться такой подход, который учитывал бы все возможные способы поверхностного оформления этой семантической зоны, наблюдаемые в языках мира, не считая а priori ни один из них более "исходным", "прототипическим", чем другие.

Лишь после такого "непредвзятого" исчисления формальных средств анализ семантической и, далее, когнитивной структуры желательности окажется возможным. Отметим, что подобный анализ будет основываться на презумпции об исходной когнитивной мотивированности языковой формы, которая позволяет не останавливаться при работе с конкретными языковыми объектами на таксономическом описании, т.е. на констатации существования тех или иных языковых средств, а пытаться реконструировать ту когнитивную структуру, которую они отражают (см. подробнее [Кибрик 2003]). Также для анализа такого типа немаловажен тот факт, что ни одна когнитивная структура не существует сама по себе, а только как составная часть единого семантического пространства, которую каждый язык тем не менее может структурировать по-своему: "Эмпирические типологические исследования обнаруживают, что одни и те же семантические различия оказываются релевантными во все большем количестве языков... даже если граммы разных языков (а часто также различные

⁷ Из 54 языков нашей выборки десять (йимас, рама, сноквалми-дувамиш, кахуилла, имбабура кечуа, хидатса, юкагирский, чувашский, татарский, баскский) точно имеют в своем распоряжении несколько средств выражения желания, информация о семи (всех, кроме трех последних) получена из грамматик; описание рассматриваемого распределения засвидетельствовано только в одном случае (имбабура кечуа)

⁸ Единственное исключение, по-видимому, составляет неопубликованная и, как следствие, мало доступная диссертация Дж. Харкинс "Желание в языке и мысли: исследование семантики разных культур" ("Desire in language and thought: A study in cross-cultural semantics") [Harkins 1995].

граммемы в пределах одного языка) структурируют пространство возможностей различными способами" [Haspelmath 2003]⁹.

Исходя из всего сказанного выше, задачей настоящего исследования желательности является

- во-первых, определение места семантической зоны желания в едином семантическом пространстве, т.е. исчисление того набора семантических зон, которые ее окружают, и выяснение их расположения относительно друг друга;
- во-вторых, определение внутренней структуры семантической зоны желания.

Результаты подобного исследования позволили бы установить универсальные ограничения на межъязыковое варьирование в данной области: мы могли бы предсказывать, какой может и какой не может быть система средств выражения желания каждого конкретного языка.

Для намеченного исследования, основой которого, по необходимости, должен быть типологически разнообразный языковой материал, мы рассмотрели данные 54 языков, принадлежащих разным ареалам и генетическим группам¹⁰. Для большинства языков исходными источниками послужили описательные грамматики; информация о трех языках (баскский, татарский, чувашский) была получена в ходе полевых исследований; материалы по удмуртскому языку были собраны в процессе полевой работы и любезно предоставлены нам А.Б. Шлуинским; данные по индоевропейским языкам (русский, английский, немецкий, французский) были получены с помощью анализа текстов. Подобный способ формирования выборки позволяет надеяться, что в остальных языках мира не встретится ни совершенно новых формальных средств выражения желания, т.е. таких, которые не были бы разновидностями рассматриваемых здесь, ни принципиально новых разновидностей семантической зоны желания.

Прежде чем приступить к непосредственному изложению полученных результатов, необходимо обсудить терминологию, которая будет использоваться в данной работе. Воспользуемся примером (1в), иллюстрирующим дезидеративный предикат, и примерами (2а–б), иллюстрирующими дезидеративный аффикс.

(1в) *Петя хочет уйти. Петя хочет, чтобы Вася ушел.*

(2) чувашский язык (тюркский, болгарская группа)

(а) *Илемпи ку кенике-не вала-сшан.*

Илемби.NOM этот книга-DA читать-DESID¹¹

Илемби хочет прочитать эту книгу.

⁹ Empirical typological work has generally found that similar semantic distinctions are relevant in language after language... even though the grams of different languages (and often also different grams within the same language) carve up the space of possibilities in different ways.

¹⁰ 9 языков Центральной и Южной Америки, 10 языков Северной Америки, 9 языков Австралии и Океании. 7 языков Африки, 10 языков Европы и 9 языков Азии; полный список с библиографическими сведениями см. в Приложении (в дальнейшем языки перечисляются без ссылки на источники).

¹¹ 1 – 1-е лицо. 3 – 3-е лицо. ACC – аккузатив, APPL – аппликатив, AUX – вспомогательный глагол, CAUS – каузатив, COMP – комплементаризатор (подчинительный союз), COP – связка, CORE – ядерный падеж, DA – датив-аккузатив, DAT – датив, DESID – дезидератив, DUR – дура-тив, GEN – генитив, HORT – гортатив, IMP – императив, INF – инфинитив, LOC – локатив, MPROP – модальный падеж проприетив, N – средний род, NEG – отрицание, NFUT – не-будущее время, NL – номинализатор, NOM – номинатив, O – прямой объект, OBL – облигатив, OBL – ко-свенный падеж, ORIG – источник, PFCT – перфект, PL – множественное число, POSS – принадлежность, POT – потенциалис, PRS – настоящее время, PURP – цель, REFL – рефлексив, S – субъект, SG – единственное число, ST – показатель основы, SUBR – показатель подчинения, UNR – нереальность; ЗП – зависимая предикация, PP – предложная группа.

(б) *ilempi san-a ku kënike-ne vula-ttar-a-sšân*
 Илемби.NOM ты.OBL-DA этот книга-DA читать-CAUS-ST-DESID

Илемби хочет, чтобы ты прочитал эту книгу.

Под "ситуацией желаяния" понимается ситуация, о которой говорится '*Петя/Илемби хочет X*'. Соответственно, термином "субъект ситуации желаяния" или, иначе, "субъект желаяния" обозначается участник данной ситуации, который, собственно, и испытывает рассматриваемое желание. Так, в предложениях (1в) "субъектом желаяния" является *Петя*, в предложениях (2) – *Илемби*. Необходимо отметить, что речь здесь идет не о семантической роли¹² (в одних языках рассматриваемый участник может вести себя как экспериенцер, в других как агенс и т.д. см. подробнее 2.4), а скорее, о синтаксической функции "субъектом желаяния" называется единственный термовый актанта в семантической структуре матричного предиката желаяния (ср. (1в)) или первый ядерный актанта предиката с морфологическим показателем желаяния (ср. (2)).

В предложениях (1в) "желаемой ситуацией" является '*Петя уходит*' (выражается инфинитивной конструкцией *уйти*) и '*Вася уходит*' (выражается придаточным предложением *чтобы Вася ушел*). В предложениях (2) "желаемой ситуацией" является '*Илемби читает эту книгу*' (выражается основой *vula-* "читать" и ее зависимыми) и '*Ты читаешь эту книгу*' (выражается основой с показателем каузатива *vula-ttar* "читать-CAUS" и ее зависимыми). Аналогичным образом, термином "субъект желаяния" обозначается синтаксически наиболее приоритетный актанта предикации, обозначающей желаемую ситуацию. Как и выше, термин "субъект желаяния" подразумевает не семантическую роль, а синтаксическую функцию. Так, например, в языках с подлежащим в данном случае имеется в виду подлежащее предикации, обозначающей желаемую ситуацию. В (1в) субъектом желаемой ситуации является *Петя* для предложения '*Петя хочет уйти*' и *Вася* для предложения '*Петя хочет, чтобы Вася ушел*'. В (2а) субъектом желаемой ситуации является *Илемби*, в (2б) – *ты*.

Также нам понадобятся термины "равно- и разносубъектное желание". Под первым подразумевается случай референциального тождества субъекта желаяния и субъекта желаемой ситуации, как в предложении '*Петя хочет уйти*' и (2а); под вторым – случай референциального различия, как в предложении '*Петя хочет, чтобы Вася ушел*' и (2б).

1. ИСЧИСЛЕНИЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ЖЕЛАНИЯ

Подробному исчерпывающему описанию дезидеративных конструкций в языках мира посвящена наша работа [Ханина, (в печати)], так что здесь мы лишь перечислим их основные разновидности.

Итак, в ходе исследования были обнаружены следующие средства выражения желаяния¹³.

1.1. Матричные предикаты

Безусловно, в большинстве (хотя и не подавляющем) языков мира есть полнозначный глагол с семантикой желаяния. В работе [Плунгян 2000: 316], с ссылкой на сборник [Goddard, Wierzbicka 1994], делается более сильное утверждение: "...смысл ХОТЕТЬ, как кажется, имеет лексическое выражение во всех известных естественных языках"¹⁴. Однако среди языков нашей выборки есть как минимум три – лаху

¹² Ср. близкое понятие "семантического падежа" в теории Филлмора [Филлмор 1981].

¹³ Полный список языков с указанием средств выражения желаяния, имеющих в их распоряжении, находится в Приложении.

¹⁴ Укажем, однако, на то, что термин "лексический" может трактоваться в данной семантической теории крайне широко, подразумевая поверхностное выражение некоторого концепта не только отдельной словоформой, но и аффиксом или даже словосочетанием (phraseme) (ср. [Goddard, Wierzbicka 2002: 15]).

(сино-тибетский, тибето-бирманский), японский (алтайский(?)) и хишкарьяна (Южная Америка, карибский), – в которых данное значение может быть передано только грамматическими средствами.

Приведем примеры, иллюстрирующие использование матричного предиката желания.

(3) туканг беси (Tukanng Besi: Австралия, австронезийский, филиппинский [Дополнение 1999: 389])

ku-handa te wil-'a t 'one
 1SG-хотеть [CORE идти-NL OBL пляж]

Я хочу пойти на пляж.

(4) мишарский диалект татарского языка (тюркский, западный (кыпчакский))

a-lar-nıñ tıñ tıñ-n-ar-ga täräzä tebenä
 [он-PL-GEN тихий.звук подслушивать-REFL-POT-INF окно под]

bar-gı-lar-ı kel-i.
 идти-NL-PL-3SG] хотеть-ST

Они хотели пойти подслушивать [шорох] под окном (=досл. Хотелось их хождение...)

Необходимо также упомянуть, что в 11 языках из рассмотренных (годоберинском, немецком, баскском, волоф Гамбии, йимас, туканг беси, имбабура кечуа, сноквалми-дувамиш, мишарском диалекте татарского, чувашском, амеле) матричные предикаты желания используют для оформления своего сентенциального актанта (СА) уникальную стратегию, т.е. такую, которая

– либо существует в данном языке только для того, чтобы оформлять зависимые предикации (ЗП) глагола *хотеть*;

– либо встречается в других типах сложного предложения данного языка, но отсутствует в системе конструкций с сентенциальными актантами.

В качестве примера можно привести предложение (4) мишарского диалекта татарского языка: имя действия на *-g/k* используется только в СА предикатов желания, во всех остальных случаях используется имя действия на *-и*.

Несмотря на то, что подобное явление встречается не очень часто, сам факт существования достаточного количества языков, выработавших грамматический аппарат, предназначенный исключительно для единственного глагола, или объединяющих зависимые предикации глагола *хотеть* одновременно и с конструкциями с сентенциальными актантами (по одним признакам), и с другими типами сложного предложения (по другим признакам), говорит об особом положении семантической зоны желания.

1.2. Глагольные аффиксы

В типологических обзорах, посвященных глагольной морфологии (ср., например [Palmer 1986; Bybee et al. 1994; Мельчук 1998; Плулган 2000]), глагольные показатели желания участника ситуации¹⁵ рассматриваются достаточно редко и в любом слу-

¹⁵ Называемые дезидеративами в теоретических работах и имеющие множество противоречивых названий в описательных грамматиках: от желательного наклонения до ирреала и оптатива.

чае не считаются распространенным явлением в языках мира. Однако проведенное исследование показало, что за пределами Евразии и, возможно, Африки дезидеративные аффиксы встречаются не так уж редко. Они могут быть разделены на две основные группы, со сравнимой частотностью по языкам мира: аффиксы, выражающие, помимо желания участника, другие значения, и "чисто" дезидеративные аффиксы. Также вместе с глагольными аффиксами в данном разделе рассматриваются некоторые дезидеративные частицы: это происходит в тех случаях, когда функции частиц в том или ином языке эквивалентны скорее функциям аффиксов в языках с развитой глагольной морфологией, чем функциям вспомогательных глаголов.

Здесь же стоит отметить тот факт, что в одном языке выборки – бамана (Африка, нигер-конго, манде, мандинг) – было засвидетельствовано такое морфологическое средство выражения желания как последлог¹⁶. В бамана вершиной предикации, описывающей ситуацию желания, является вспомогательный глагол; от него зависят

- субъект желания,
- последложная группа, состоящая из дезидеративного последлога и зависимой именной группы (в случае желания, направленного на объект, это желаемый объект; в случае желания, направленного на ситуацию, это 'пустое' указательное местоимение, отсылающее к зависимой предикации, выражающей желаемую ситуацию).

Ср. примеры (5) и (13):

(5) бамана (Bambara; Африка, нигер-конго, манде, мандинг [Dumestre 1987: 368])

ń ɾ á fè í ká fàgà.
я AUX.NEG [это DESID {ты COP убивать}]_{3П}PP

Я не хочу, чтобы ты был убитым. (=досл. Я не хочу это, ты убитый).

1.2.1. Аффиксы, выражающие не только желание

Значения, выражение которых может совмещаться с выражением желания, представляют собой закрытый класс, состоящий

(i) из большой группы модальных значений (см. подробнее 2.1);

(6) кайардилд (Kauardild; Австралия, тангикский [Evans 1995: 259])

kunawunya kunawuna rar-umban-ju kang-ku kamburi-ju
маленький ребенок юг-ORIG-MPROP язык-MPROP говорить-POT

Маленькие дети хотят говорить на кайардилде (=языке с юга).

Маленьким детям следует говорить на кайардилде (=языке с юга);

(ii) нескольких аспектуальных значений, засвидетельствованных нами только в двух языках (чувашском и кайардилд)¹⁷;

¹⁶ Возможно, в этом языке последлоги такого типа представляют собой отглагольные образования; в этом случае, данное языковое средство может считаться разновидностью специальных глагольных формантов, рассматриваемых в 1.3.

¹⁷ Нам известно о существовании подобного явления, помимо чувашского и кайардилд, только в одном языке – кетском (ср. [Майсак 2002] со ссылкой на [Дульзон 1968: 360; Успенский 1968: 208]), который не вошел в нашу выборку.

(7) чувашский (тюркский, болгарский)

väl xə̃r-e   ĉipřāv-a-sřđn.
он девушка-DA целовать-ST-DESID

Он хочет поцеловать эту девушку.
Он собирается поцеловать эту девушку.
Он все время целует эту девушку¹⁸;

(ii) одного типа пропозициональной деривации – каузатива.

(8) чувашский (тюркский, болгарский)

(a) vāl lěklen-e-t'
он блевать-ST-PRS.3SG

Его сейчас тошнит (=Он находится в процессе блевания);

(б) āna lěklen-ter-e-t'
он.DA тошнить-CAUS-ST-PRS.3SG

Его тошнит (=Ему вдруг захотелось блевать).

Подчеркнем, что во всех рассмотренных языках приведенные показатели выражают различные модальные, аспектуальные, залоговые значения наряду с желанием. В этих случаях мы имеем дело не с омонимией, а с семантическими кластерами, объединяющими по некоторому параметру, подлежащему определению, проанализированные интерпретации. Именно это использование одних и тех же языковых средств для несхожих на первый взгляд значений легло в основу семантического анализа зоны желания, которому посвящен раздел 2.2.

1.2.2. Аффиксы, выражающие только желание

Аффиксов данного типа встретилось среди языков выборки не только достаточно много, но и почти в полтора раза больше, чем аффиксов предыдущего типа. Приведем пример, иллюстрирующий использование подобного аффикса:

(9) имбабура кечуа (Imbabura Quechua; Южная Америка, кечуа [Cole 1982: 181])

ñika-ta   miku-na-a-n.
я-ACC есть-DESID-3SG

Я хочу есть.

Рассматриваемое предложение синтаксически представляет собой безличную конструкцию, возглавляемую предикатом с дезидеративным аффиксом. Последний принимает дефолтный согласовательный показатель (3SG), т.к. именная группа в номинативе, которая могла бы контролировать согласование, отсутствует; субъект желания оформляется аккузативом (различные синтаксические тесты показывают, что он тем не менее имеет подлежащие свойства, см. подробнее [Cole 1982: 107–113]).

В заключение упомянем о том, как языки могут решать такую проблему как выражение разносубъектного желания средствами глагольной морфологии. Действительно, присоединение того или иного аффикса к глаголу (чисто дезидеративного

¹⁸ Подробнее о средствах выражения желания чувашского языка см. [Ханина 2003].

или совмещающего значение желания с другим значением) не создает второй клаузы. Для того чтобы средствами одной предикации – т.е. по сути, морфологическими средствами, присоединяющимися к ее предикату, – передать две ситуации (желания и желаемую), языки используют различные возможности. И если факт существования еще одной ситуации – желаемой – выражается наличием морфемы дезидератива, то для маркирования наличия у этой ситуации собственного субъекта (=субъекта желаемой ситуации) могут использоваться следующие глагольные средства:

- в той или иной степени грамматикализованный показатель каузатива (лаху, чувашский);
- субъектно-объектное спряжение (акома, гуарани¹⁹);
- показатель апликатива (набай).

1.3. Специальные глагольные форманты

Исходя из целей настоящего исследования – исчислить реально встречающиеся в языках мира типы языкового кодирования семантической зоны желания – к "специальным глагольным формантам" нами были отнесены те средства выражения желания, которые по формальным критериям не могли быть объединены ни с полнозначными предикатами желания, рассмотренными в 1.1, ни с дезидеративными аффиксами, рассмотренными в 1.2. Таким образом, следующие языковые объекты оказались объединенными под данным названием:

- либо такие предикаты со значением желания, словоизменительная парадигма которых отличается от соответствующей парадигмы полнозначных предикатов данного языка (айнский, островной карибский, бабунго, марикопа, хишкарьяна);
- либо такие предикаты со значением желания, морфологические и синтаксические свойства которых полностью эквивалентны соответствующим свойствам предикатов, являющихся одной из частей аналитической глагольной формы, т.е. не имеющих собственного лексического значения (суахили).

Как видно, представители этого множества находятся на стадии перехода от полнозначного предиката к служебному, грамматическому элементу²⁰.

Ср. следующий пример из айнского языка:

(10) айнский (Ainu; Япония, изолят [Shibatani 1990: 78])

ron kahkemah ooya'an itah i-ko-nuu rusuy.
маленький девушка [различный слова 1PL.O-APPL-слышать] AUX.DESID

Милая девушка хочет услышать от нас различные слова.

В этом языке существует четыре вспомогательных глагола – *rusuy* 'хотеть', *easkay* 'мочь', *kaspa* 'слишком', *hemata* 'завершить'. Они располагаются непосредственно после полнозначного глагола и не присоединяют к себе согласовательных показателей.

1.4. Посессивные конструкции

Под посессивной конструкцией в данной работе понимается три типа средств выражения желания участника ситуации.

Во-первых, это именные предложения, состоящие из

¹⁹ Возможно, в гуарани нет граммы дезидератива, а есть только оптатив: грамматическое описание [Gregores, Suarez 1967: 132] не различает эти две категории.

²⁰ Отметим, что грамматические описания тех языков, в которых было обнаружено данное явление, обычно называют подобные объекты "вспомогательными глаголами".

- вершины-существительного ‘желание’ с посессивным лично-числовым показателем или посессивной группой, обозначающей субъекта желания;
- зависящей от него предикации, обозначающей желаемую ситуацию.

(11) таба (Taba; австронезийский, малайско-полинезийский [Bowden 1997: 445])

ní suka k-mul.
3.SG.POSS желание 1SG-возвращаться

Она хочет, чтобы я вернулся (=досл.: Ее желание – я возвращаюсь).

Во-вторых, это предложения с полнозначными глаголами желания, которые оформляют свои актанты таким способом, который характерен для предикатов принадлежности (при условии, что они устроены в данном языке не так, как все остальные предикаты).

(12) тамильский (Tamil; Азия, дравидийский, тамил-каннада [Asher 1985: 91])

(a) *avarukku neraya raṇam irukkuṭu.*
он.DAT много деньги быть.PRS.3SG.N

У него много денег.

(b) *enakku oru glassu tii veṇṇuṭu.*
я.DAT один стакан чай быть.желаемым

Я хочу стакан чая²¹.

В-третьих, это предложения, означающие одновременно принадлежность и желание, т.е. речь в этом случае идет о таких языках, которые вообще не различают эти два значения. Ср. предложения (5) и следующее:

(13) бамана (Bambara; Африка, нигер-конго, манде, мандинг [Bailleul 1981: 200])

ə i' a fè.
он AUX.NEG это DESID/POSS

Он не хочет это.

У него нет этого.

Посессивные конструкции (в нашем понимании) являются достаточно редким явлением: практически все, обнаруженные нами, принадлежали языкам двух близких географических ареалов – Юго-Восточной Азии и Океании. Однако примечательным оказывается тот факт, что семантическая зона желания ведет себя в данном случае аналогично семантической зоне долженствования. Ср. следующие примеры европейских языков:

(14) французский
(a) *J'ai un livre.*
У меня есть книга.

(15) немецкий
(a) *Ich habe ein Buch.*
У меня есть книга.

²¹ Только предикат желания и закрытая группа стивных предикатов с дефектной видо-временной и согласовательной парадигмой (*teri* "знать", *puri* "понимать", *piti* "нравиться", *vali* "болеть" и др.) позволяют дативное оформление первого актанта, характерное для глагола *быть* в его экзистенциальном употреблении для выражения постоянной принадлежности ('*что-то есть у кого-то*').

(4) *J'ai une traduction [à faire].*

Мне надо сделать один перевод.

(6) *Ich habe eine Übersetzung [zu machen].*

Мне надо сделать один перевод.

Исходя из этого, можно утверждать, что языки, имеющие в своем распоряжении рассмотренные здесь конструкции, принадлежат к группе языков, в которых семантическая зона желания и модальность интерпретируются как близкие друг к другу (ср. 2.1).

1.5. Перифрастические конструкции

Последнее средство выражения желания, обнаруженное нами в языках мира, представляет собой конструкцию, использующуюся для передачи желания "другими словами". В некотором смысле, предложения такого типа выражают не желание, а некоторое обобщенное внутреннее состояние субъекта, однако за неимением никаких других средств выражения желания в данных языках эта конструкция может быть переведена на русский, английский и т.д. языки как желательная.

Ср. следующий пример из языка телугу (Азия, дравидийский, телугу), который имеет в своем распоряжении перифрастическую конструкцию, образованную на основе формы третьего лица единственного числа глагола *undi* 'быть', управляющей зависимой предикацией в облигативном наклонении:

(16) телугу (Telugu; Азия, дравидийский, телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 369])

waalLaku iNTi-ki weLL-aal(i) ani lee-du.

они.DAT [дом-DAT идти-OBG COMP] не_быть-PRS.3SG

Они не хотят пойти домой. (=досл. Им не есть, что надо идти домой.)

В ава пит (Южная Америка, паэсский, барбакоа) встречается дословно следующее перифразирование: "*Это было бы хорошо (для меня), если бы ты...*" [Сиглов 1997: 166]. Как видно из примера, эта конструкция может быть употреблена не только для выражения желания, но и при необходимости отдать вежливое приказание, посоветовать и т.д.

Японский язык (алтайский [?]) имеет в своем распоряжении дезидеративный показатель *-tai*, однако он используется только в случае субъекта желания первого лица. Во всех остальных случаях говорящие на японском языке употребляют перифрастические обороты '*мне кажется, что ты/он...*', '*он выглядит так словно...*', '*я слышу, как ты/он...*' и т.д. вместо таких предложений русского языка как '*Ты/он хочет...*'. Это связано с картиной мира японского языка, для которого информация о внутренних состояниях, которым считается и желание, не может быть доступна никому кроме самого человека, в них находящегося [Shibatani 1990: 383].

Интересная разновидность грамматикализованной перифрастической конструкции наблюдается в тюркских языках. Здесь сложные предложения с предикатами желания представляют собой грамматикализованную конструкцию с глаголом '*приходить*' [в современных языках – рефлексы древнетюркского глагола *kel-* (*kel-*)]²², задающим перифрастическую конструкцию '*Приходит такая ситуация, что P*'.

Если исходить из данных грамматик, то языков с перифрастической конструкцией достаточно мало. Однако возможно, что в реальности их намного больше, но инфор-

²² В типологической работе [Майсак 2002] указывается на то, что грамматикализация данного глагола в дезидеративную конструкцию засвидетельствована вообще только в тюркских языках.

мация об этом явлении не попадает в грамматические описания: исследователь должен специально выяснять, каким образом выражается желание в данном языке, чтобы заметить, что средства для его непосредственного оформления отсутствуют.

Тем не менее существование даже нескольких языков с подобными перифрастическими конструкциями, по сути, говорит о том, что проблема отнесения желательности к той или иной семантической зоне (модальности, эмоции, мышления) не является порождением лингвистической методологии, а действительно существует для естественных языков. Можно предположить, что концептуальная структура ситуации желания настолько отлична от прочих, что языки, рассмотренные в этом разделе, оказываются не способны ее соотносить с какой бы то ни было другой и используют для ее оформления не стандартные средства, принадлежащие ведению грамматики, а множество лексических образований.

2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА ЖЕЛАНИЯ

После определения набора средств выражения желания, которыми располагают языки выборки, мы можем приступить к непосредственному семантическому анализу желательности.

Напомним, что уже обсуждавшаяся выше презумпция мотивированности языковой формы говорит о том, что "исторически исходное соотношение между смыслом и грамматической формой мотивировано: устройство грамматической формы отражает тем или иным образом суть смысла" [Кибрик 1992: 25]. Следовательно, выяснение того множества сущностей, со средствами выражения которых могут сближаться средства выражения желания различных языков мира, позволит понять, какие семантические зоны непосредственно связаны с семантической зоной желания.

Для каждого языка выборки мы сравнили на предмет их схожести формальные свойства его дезидеративных средств с формальными свойствами других грамматических и лексических средств. В результате было обнаружено, что достаточно последовательно языками выбирается одна из четырех возможностей:

1. Средства выражения желания сближаются со средствами выражения модальности, аспекта, актантной деривации;
2. Средства выражения желания сближаются с полипредикативными конструкциями с предикатами мышления, эмоций, восприятия;
3. Средства выражения желания сближаются со средствами выражения целенаправленных действий;
4. Средства выражения желания уникальны, т.е. представляют собой морфосинтаксические объекты с уникальными для данного языка свойствами.

Сопоставляя полученные результаты с предварительными гипотезами о сущности желания, можно отметить следующее. Оказывается, что предлагаемая теоретическими работами интерпретация желания как модальности или эмоционально-мыслительной операции действительно подтверждается эмпирически, но не в качестве универсалии, а в качестве одной из возможностей, находящихся в распоряжении языков мира. Напомним, что цитировавшиеся работы, в некотором смысле, тоже ведут свои рассуждения от реальных языковых данных как отправной точки, однако рассматривая данные языков только одного, их интересующего, типа (1-го или 2-го), приходят к выводам об универсальности той или иной близости.

Принципиально иной взгляд на семантическую зону желания предлагают результаты данного исследования. Во-первых, они позволяют сделать важный шаг от постулирования некоторых аморфных универсальных сущностей к утверждению о существовании нескольких типов языковых средств²³. Во-вторых, они открывают еще одну

²³ Мы говорим именно о типах языковых средств, а не типах языков, поскольку нередки случаи существования в языке нескольких средств выражения желания, каждое из которых может относиться к некоторому типу.

возможность, ранее не замечавшуюся исследователями: уподобление рядом языков мира желания целенаправленному действию, а желаемой ситуации – цели. В-третьих, они подтверждают интуитивное предположение об уникальности желания, представляя доказательства существования последнего типа языков, обособляющих средства выражения желания.

Прежде чем перейти к объединенной картине семантической зоны желания, иллюстрирующей не только взаимоотношения выделенных четырех типов желания друг с другом и со смежными областями, но и взаимоотношения смежных областей друг с другом, рассмотрим поочередно представленные четыре возможности.

Мы будем говорить о ‘близости’ тех или иных языковых средств в следующих двух случаях:

(а) сильная схожесть:

в данном языке одно и то же средство, независимо от его формального устройства (предикат, аффикс, специальный глагольный формант и т.д.), используется одновременно для выражения как желания, так и некоторого другого значения;

(б) слабая схожесть:

в данном языке средство выражения желания обладает теми же формальными свойствами, что и некоторое другое языковое средство; причем указанные свойства являются уникальными для этих двух объектов. т.е. больше в данном языке не встречаются.

2.1. Совмещение средств выражения желания и модальности / аспекта / актантной деривации

Данное явление было засвидетельствовано более чем в половине языков нашей выборки. Рассмотрим сначала случаи сильной схожести; здесь речь будет идти только о близости средств выражения желания и модальности, т.к. совмещение дезидеративного и немодального – аспектуального – значения встретилось только в двух языках – чувашском [ср. (7)] и кайардилд.

2.1.1. Сильная схожесть средств выражения желания и модальности

Глагольные аффиксы с несколькими значениями уже упоминались в 1.2; предикаты, имеющие как дезидеративное, так и модальное значение, встретились в языках телугу, тамильский, багвалинский, персидский (‘хотеть’ = ‘нуждаться’); айнский о-ва Сахалин (‘хотеть’ = ‘намереваться’); цахурский (‘хотеть’ = ‘нуждаться, быть должным’). Ср. пример (17) из языка телугу (дравидийский), иллюстрирующий совмещение значения желания и необходимости.

(17) телугу (Telugu; Азия, дравидийский, телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 85])

taaki Dabbi kaawaai.
мы.DAT деньги хотеть/нуждаться

Мы хотим денег. / Нам нужны деньги.

Специальные глагольные форманты, совмещающие значение желания и намерения, были обнаружены в айском и суахили. В табл. 1 приводится список всех возможных модальных значений, оформляющихся теми же средствами, что и желание участника ситуации.

Совмещение дезидеративного и модальных значений

Модальное значение	Языки выборки	Формальное средство выражения
Необходимость (‘нужно’)	телугу, тамильский, цахурский, багвалинский, персидский, хидатса, (ава лит) ²⁴	предикат, (глагольный аффикс)
Намерение ²⁵	айнский, юрок, мангарап, марикопа, чувашский, рама, индонезийский, суахили, персидский, русский	предикат, глагольный аффикс, специальный глагольный формант
Будущее ²⁶ : – близкое; – перспектив; – экспектив	южный сьерра мивок, йимас, ительменский, кайардилд, персидский, (ава лит) ²⁴	предикат, глагольный аффикс
Обязанность (‘должен’)	рама, цахурский	предикат, глагольный аффикс
Возможность	акома	глагольный аффикс
Готовность	южный сьерра мивок	глагольный аффикс
Попытка	набай, марикопа	глагольный аффикс, специальный глагольный формант
Желание говорящего (оптатив)	алюторский	глагольный аффикс
Косвенная манипуляция: прескрипция, вежливое приказание	кайардилд, акома, рама	глагольный аффикс
Способность	кайардилд	глагольный аффикс

Как видно из табл. 1, все модальные значения, непосредственно связанные в данных языках с желанием, относятся к нереальной модальности; среди них есть как ориентированные на деятеля²⁷ (необходимость, обязанность, намерение, будущее, готовность, попытка, способность), так и на говорящего (желание говорящего, косвенная манипуляция).

В уже упоминавшейся работе по теории модальности [Bybee et al. 1994: 176–177] говорится о том, что модальные значения, ориентированные на деятеля, являются

²⁴ В языке ава лит дезидеративный показатель (глагольный аффикс) крайне редко имеет это дополнительное значение.

²⁵ Значения намерения и будущего времени разводятся на том основании, что первое является аспектуальным, а второе – временным. Так, все средства рассматриваемых языков, способные описывать ситуацию намерения в прошлом, были отнесены в группу ‘намерение’; только в настоящем – в группу ‘будущее’.

²⁶ Значение временной референции к будущему рассматривается в этом разделе из соображений полноты: оно общепризнанно считается модальным при широком понимании модальности (ср. [Плунгян 2000; Bybee et al. 1994; Palmer 1986]).

²⁷ Деление разных типов модальности, в частности, на ориентированную на деятеля (agent-oriented) и ориентированную на говорящего (speaker-oriented), предлагается в [Bybee et al. 1994].

диахроническим источником для остальных типов модальности, в частности, для модальности, ориентированной на говорящего. Следовательно, можно предположить, что приведенные дополнительные синхронные значения средств выражения желания представляют собой перечень возможных путей дальнейшего развития значения дезидеративных показателей.

В связи с этим примечательным оказывается тот факт, что среди языков нашей выборки есть такой, на примере которого можно наглядно увидеть несколько стадий процесса грамматикализации. В языке кайардилд (Австралия, тангикский) один и тот же показатель²⁸ используется как для выражения желания [ср. (6)], так и для выражения, во-первых, других видов модальности, ориентированных на деятеля [будущее (ср. 18а)], способность [ср. (18б)], а во-вторых, модальности, ориентированной на говорящего [прескрипция (ср. 6)].

(18) кайардилд (Kayardild; Австралия, тангикский [Evans 1995: 258–259])

(a) *niya bukawa-thu tungkiji-wu dulk-u.*
он умереть-POT свой-MPROP страна-MPROP

Он умрет в своей стране.

(б) *dali-ji! ngada kantharrkuru ngudi-nangku banga-walath-u.*
приходить-IMP я один бросать-NEG.POT черепаха-LOC-MPROP

Иди сюда! Я не могу сам перевернуть всех этих черепах.

Интересно заметить, что историческое развитие средств выражения желания в показателе будущего времени и намерения является достаточно известным фактом (ср. [Bybee et al. 1994; Heine 1994]), однако связь 'модальности желания' с другими типами модальности далеко не так хорошо изучена. Это также является причиной того, что теоретические лингвистические работы очень непоследовательно трактуют отношение желания участника ситуации к модальности вообще.

С одной стороны, при определении модальности как семантической зоны, связанной с нереальным статусом ситуации по отношению к реальному миру (см. [Плунгян 2000: 308–325]), желание участника ситуации, безусловно, относится к модальным. Однако на подобное определение можно возразить следующим образом: в семантике многих грамматических категорий и грамем есть компонент "нереальность" (ср., например, уже упоминавшуюся аспектуальную категорию проспектива или вопросительные предложения), но только у некоторых он является основным (ср. условное наклонение, которое, следовательно, относится к модальности подавляющим большинством исследователей).

С другой стороны, если использовать диахронический подход к модальности, предложенный в [Bybee et al. 1994], то трактовка желания как модального значения становится, на первый взгляд, более оправданной. Напомним, что авторы этого подхода утверждают, что семантическая зона желания может и должна рассматриваться вместе с остальными типами модальности, ровно потому что в языках мира очень часто желание диахронически связано с "настоящей" модальностью. Однако проведенное исследование показало, что наряду с большим количеством языков, в которых желание непосредственно связано с семантической зоной модальности, существует немалое количество таких языков (ср. 2.2–2.3), для которых причисление желания к модальности оказывается абсолютно необоснованным. Из этого, тем не менее, не следует, что вопрос о принадлежности желания к модальности теряет смысл: наоборот, тот факт, что в одних языках семантическая зона желания не мо-

²⁸ Как видно из примеров, автор грамматического описания называет этот показатель потенциалисом.

жет быть отделена от модальности, а в других не имеет с ней никаких общих формальных черт, многое говорит о месте желания в языковой системе.

2.1.2. Слабая схожесть средств выражения желания и модальности / аспекта / актантной деривации

Прежде всего отметим, что второй тип близости средств выражения желания и модальных/аспектуальных/актантно-деривационных значений более распространен, чем первый. Это позволяет утверждать, что для достаточно большого количества языков эти две семантические зоны манифестируют относительную общность, не являясь тем не менее полностью идентичными, какими они являются для языков, рассмотренных выше.

Так, в одних языках дезидеративные аффиксы располагаются в той же позиции в глагольной словоформе, что и модальные, аспектуальные, актантно-деривационные показатели, что отражено в табл. 2.

Таблица 2

Однотипная позиция дезидеративных и модальных/аспектуальных/актантно-деривационных показателей

Языки	Значение аффиксов той же позиции
тараскан	рефлексив, интенсив/детранзитив, продолжение
сноквалми-дувамиш	рестриктив, актантная деривация, актуально-длительное настоящее, условие
акома	оптатив, экспектив, мандатив
хидатса	итератив, отрицание
незперс	(аспект)

В других языках для выражения желания и модальных/аспектуальных значений используется один и тот же тип морфосинтаксических объектов; причем для выражения других значений этот тип объектов не используется. Ср. данные в табл. 3.

Таблица 3

Использование однотипных морфосинтаксических объектов для желания и модальных/аспектуальных значений

Языки	Средство выражения	Значения, выражаемые этим же типом средств
кюрюк	превербальные частицы	различные временные, аспектуальные значения
марикона	специальный глагольный формант	неспецифицированное желание (хорошо бы...), квотатив
суахили	специальный глагольный формант	перфектив, дуратив, POSSIBILITY, достижение ожидаемого результата
айнский	специальный глагольный формант	кончить, мочь, слишком
ава пит	продуктивные деривационные морфемы	проспектив, инцептив
персидский	предикат	способность, долженствование, необходимость, склонность, готовность, надежда
баскский	предикат	долженствование, возможность, невозможность

. В ряде языков (варао, алютторском, гуарани, сноквалми-дувамиш, телугу, романских языках) наблюдаются другие разновидности слабой схожести, подробный разбор которых мы не приводим, т.к. принципиально они не добавляют ничего нового к нашему знанию о желательности. Так, например, в сноквалми-дувамиш, телугу и французском матричный предикат *хотеть* может использовать для оформления своих СА такую стратегию, которая в финитном употреблении имеет модальные значения возможности, обязанности, условия, желания говорящего [ср. (19)].

(19) французский (романский)

(a) *Nous sommes heureux.*

Мы счастливы.

(б) *Il veut [que nous soyons heureux]*

Он хочет, чтобы мы были счастливы

(в) *Que nous soyons heureux!*

Были бы мы счастливы! / Пусть мы будем счастливы! (=желание говорящего)

2.2. Совмещение средств выражения желания и эмоций / восприятия / мыслительной деятельности

Это явление оказывается не менее частотным по языкам мира, чем совмещение желания и модальных/аспектуальных/актантно-деривационных значений, рассмотренное выше.

2.2.1. Сильная схожесть средств выражения желания и эмоций / восприятия / мыслительной деятельности

Достаточно часто в языках мира встречаются предикаты, аффиксы или специальные глагольные форманты, имеющие значение не только 'хотеть', но и 'любить', 'нравиться', 'чувствовать', 'думать'. Ср. следующий пример из языка кахуилла (Южная Америка, юто-ацтекский):

(20) кахуилла (Cahuilla; Южная Америка, юто-ацтекский [Langacker 1977: 142])

pi-čem-'ayaw-we

meten piš-pi-čem-čiči-pi.

3SG.O-1PL.S-нравиться/хотеть-DUR много SUBR-3SG.O-1PL.S-собирать-UNR

Мы бы хотели собрать много / Нам нравится собирать много.

Таблица 4

Совмещение деидеративного и ментальных/перцептивных значений

Ментальное/перцептивное значение	Языки выборки	Формальное средство выражения
любить, нравиться	пулаар, юто-ацтекские (кахуилла), хишка-рьяна, багвалинский, цахурский, бамана, сноквалми-дувамиш, немецкий, индонезийский	предикат, специальный глагольный формант
чувствовать	набай, телугу, энга	предикат, глагольный аффикс
думать	телугу	предикат

Безусловно, наиболее распространенным является совмещение значения желания и положительного отношения к ситуации – ‘любить’, ‘нравиться’. Также в трех языках Юго-Восточной Азии и Океании (набай, телугу, энга) было засвидетельствовано использование одного и того же формального средства как для выражения желания, так и для выражения чувства вообще.

См. пример (21) из языка энга (транс-новогвинейский, восточных новогвинейских высокогорий, западно-центральный), в котором предикат *mási* значит как ‘хотеть’, так и ‘чувствовать’, причем в полипредикативной конструкции возможно только первое значение.

(21) энга (Enga; транс-новогвинейский, восточных новогвинейских высокогорий, западно-центральный [Lang 1973], цитация по [Foley 1991: 157])

nambá Wápaka pá-a-nyá mási-ly-o
я Вабаг идти-INF-POSS чувствовать-PRS-1SG

Я хочу пойти в Вабаг.

Последним значением данной группы, которое может мыслиться языком как не отделяемое от желания, оказалось значение мыслительной деятельности вообще: ср. предикат *anikon* ‘думать’ языка телугу.

(22) телугу (Telugu; Азия, дравидийский, телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 368])

oka nANTamaniSi-ni kudurcu-daam anikoN-T-unnaa-nu.
одив кухарка-ACC нанимать-HORT думать/хотеть-DUR-быть.NFUT-1SG

Я хочу нанять кухарку / Я думаю о том, чтобы нанять кухарку.

Показательно, что в случае совмещенного выражения желания и некоторого ментального/перцептивного состояния в качестве последнего наблюдаются наиболее общие значения из возможных: ‘думать’, ‘чувствовать’. Как нам кажется, это говорит о том, что идея желания некоторой ситуации является достаточно сложной и, следовательно, существуют языки, в которых эта ситуация осмысливается с помощью более простых универсальных понятий (см. подробнее 2.4).

Также неслучайна распространенная по языкам мира близость средств выражения семантической зоны желания и идеи (сильного) положительного отношения к чему-либо. В большинстве случаев существование одной из этих ситуаций предполагает наличие другой: если X хочет наступления события P, то, вероятнее всего, ему нравится состояние S, наступающее в результате события P; и наоборот – если X-у нравится некоторое состояние S, то, вероятнее всего, он хочет, чтобы оно наступило, т.е. хочет, чтобы произошло событие P.

2.2.2. Слабая схожесть средств выражения желания и эмоций / восприятия / мыслительной деятельности

Не менее важен для целей нашего исследования и тот факт, что в большом количестве языков для оформления ЗП глагола ‘хотеть’ используются те же стратегии, что и для оформления ЗП эмотивных/перцептивных/ментальных матричных предикатов данного языка. Данное явление засвидетельствовано в таких языках выборки, как татарский, удмуртский, цахурский, дагуарский, багвалинский, юкагирский, туканг беси, телугу, амеле, энга, нкоре кига, пулаар, санго, шусвап, юто-ацтекские, имбабура кечуа.

Ср. следующий пример:

(23) удмуртский (финно-угорский, пермяцкий)

(а) *мыным яра сестра-е-лэн дышетск-ем-ез.*
я.DAT нравиться.PRS.3.SG [сестра-1.SG-GEN учиться-PFCT-3.SG]

Мне нравится, как учится моя сестра.

(б) *мынам сиськ-ем-е пот-э.*
[я.GEN есть-PFCT-1.SG] хотеться-PRS.3.SG

Я хочу есть.

В удмуртском языке сентенциальный актант глагола *потэ* 'хотеться' и глаголов эмоций, восприятия, мыслительной деятельности представляет собой именную группу, возглавляемую номинализованным предикатом.

Помимо однотипного устройства зависимых предикаций в ряде языков (тамильский, виннебаго, имбабура кечуа, туканг беси, амеле) были засвидетельствованы и другие случаи объединения средств выражения желания и ментальных/перцептивных состояний, разбор которых мы здесь не приводим.

2.3. Совмещение средств выражения желания и целенаправленных действий

В четырех из рассмотренных языков (рама, восточный помо, йимас, кайардилд) один и тот же глагольный аффикс используется для выражения как желания, так и цели. Ср. следующий пример из восточного помо (Северная Америка, макросемья хокан, группа помо):

(24) восточный помо (Eastern Pomo; Северная Америка, хокан, помо [McLendon 1975: 94])

hí-Mak xa 'é-le há. ʔá-l-ba.
с.ним(и) hearsay_evidential я играть-PURP

Они хотят, чтобы я с ним/ними играл.

В этом языке суффикс *-ba* оформляет придаточные цели. Однако если этот суффикс присоединяется к предикату – вершине независимого предложения, то оно имеет значение желательности всей ситуации. Субъект желания определяется исходя из различных факторов. Например, в приведенном предложении показатель эвиденциальности имплицитно указывает тот факт, что говорящий получил эту информацию от постороннего лица, т.е. ни говорящий, ни слушающий не могут быть субъектом желания²⁹.

Четыре языка с подобным явлением – это не так уж много, однако нами было засвидетельствовано еще несколько явлений, сближающих средства выражения цели и желания.

Во-первых, в таких языках как имбабура кечуа, сноквалми-дувамиш, шусвап, французский стратегии оформления сентенциальных актантов матричного предиката *хотеть* эквивалентны стратегиям оформления целевых придаточных данных языков. Ср. предложения (23а-б) французского языка, которые иллюстрируют ис-

²⁹ Стоит отметить, что анализ данного явления был проведен нами самостоятельно на основе приведенных в грамматике примеров; возможно, при рассмотрении большего количества примеров этот анализ окажется неверным.

пользование сослагательного наклонения как в СА предиката желания, так и в целевом придаточном.

(25) французский

(a) *Il veut [que nous allions à la bibliothèque].*

Он хочет, чтобы мы пошли в библиотеку.

(б) *Ce soir, tu dois arriver un peu plus tôt pour [que nous allions à la bibliothèque].*

Ты должен прийти пораньше сегодня вечером для того, чтобы мы пошли в библиотеку

Стоит отметить, что использование специального наклонения (~ сослагательного, конъюнктива, субъюнктива [subjunctive]) в зависимых предикациях глагола *хотеть* встречается достаточно часто в языках мира. Однако в тех случаях, когда с помощью этого наклонения оформляются ЗП цели, а для матричных предикатов использование этой стратегии оказывается периферийным, то только предикат желания последовательно попадает в группу тех предикатов, которые все же используют эту стратегию.

Второй тип явлений, сближающих семантическую зону желания с целевой зоной, наблюдается в языке суахили: морфологические и синтаксические свойства вспомогательного дезидеративного глагола *kutaka* полностью совпадают с соответствующими характеристиками других вспомогательных глаголов, в том числе целевого *kuja*.

Таким образом, несмотря на то, что сходство средств выражения желания и средств выражения целенаправленных действий встречается скорее редко, оно не является случайным порождением методологии исследования. Засвидетельствованной в самых разных географических ареалах, это сходство может быть признано одной из возможностей, находящейся в распоряжении языков мира, наряду с двумя другими, рассмотренными в 2.1 и 2.2.

2.4. Желательность в едином семантическом пространстве

Итак, близость средств выражения желания другим языковым средствам во многих языках мира не может быть случайной. Также не является произвольным и тот факт, что средства выражения желания могут сближаться со средствами выражения только трех рассмотренных семантических полей: ни в одном языке выборки не засвидетельствовано случаев сильной схожести средства выражения желания со средствами, не принадлежащими трем выделенным группам. Следовательно, в едином семантическом пространстве семантическая зона желания, с одной стороны, граничит с такими зонами как "модальность", "эмоции/восприятие" (и "ментальное состояние")³⁰, "цель", а с другой стороны, не граничит ни с какими другими. Таким образом, закономерным является ее помещение между этими семантическими зонами.

Тот факт, что семантическая зона желания однозначно не объединяется ни с какой другой языковой областью, однако имеет точки соприкосновения с различными, возможно, не связанными непосредственно между собой, областями, говорит о том, что желательность действительно представляет собой отдельную семантическую зону, а не пересечение зон модальности, эмоций/мыслительной деятельности и цели. Ср. Рис. 1:

³⁰ Как кажется, две последние представляют собой две части единой зоны; что касается желания, то в одних языках для него эта зона является единой, в других – нет.

Рис. 1. Семантическая зона желания и ее окружение

Что касается внутренней структуры семантической зоны желания, предположим следующие разновидности желания, которые могут различать языки мира:

– желание, сближающееся с **оценкой ситуации извне**, т.е. такой оценкой, которая сообщает некоторую информацию о ситуации, но сама отдельной ситуацией реального мира не является, ср. 2.1.

(субъект желания обладает свойствами Источника информации о желаемой ситуации);

– желание, сближающееся с **ментальным и/или перцептивным состоянием**, ср. 2.2. (субъект желания обладает свойствами Экспериментера желаемой ситуации);

– желание, сближающееся с **целенаправленным действием**, ср. 2.3.

(субъект желания обладает свойствами Агенса ситуации желания, направленной на достижение желаемой ситуации)³¹.

Обращаясь к Рис. 1, можно перефразировать это утверждение следующим образом. Поскольку желание находится между другими семантическими зонами, то в случае, когда оно не является единым объектом для некоторого языка (т.е. когда в языке есть более одного средства выражения желания), данная семантическая зона разбивается на поля, каждое из которых оказывается ближе к одной из смежных зон (модальности, эмоциям/восприятию, ментальному состоянию или цели), чем другие, и, следовательно, те характеристики, которые отличают его от других полей зоны желания, могут быть так или иначе предсказаны характеристиками смежной зоны.

Проиллюстрируем наши теоретические выводы данными двух неродственных языков: чувашского и русского. Покажем, что различные средства выражения желания, которыми они располагают, действительно могут быть помещены в семантическое пространство так, что каждое из них займет свою нишу, сближаясь по различным параметрам с соседними зонами.

2.5. Семантическая зона желания двух языков: чувашского и русского

Рассмотрим по отдельности данные этих двух языков. Начнем с чувашского языка, т.к. он менее знаком читателю и, следовательно, имплицитно предполагает меньше исходных предположений о его семантической зоне желания, т.е. в этом случае мы имеем дело с наиболее чистым примером семантического эксперимента.

³¹ Ср. исследование [Кибрик 1992: 218–260] на материале дагестанских языков, в котором приводятся доказательства того, что, в зависимости от их формальных свойств, предикаты желания могут принадлежать к одному из двух последних типов.

В чувашском языке имеется четыре средства выражения желания³² (см. [Ханина 2003])

- (а) матричный предикат *te* 'говорить, решить, хотеть' + специальная стратегия оформления СА № 1 [используется только с этим матричным предикатом и предикатом (г)];
  - (б) матричный предикат *šulla* 'думать' + специальная стратегия оформления СА № 2 [используется только с этим матричным предикатом],
  - (в) глагольный аффикс *-sšän* [ср (2), (7)],
  - (г) глагол *kile* 'приходить' в форме третьего лица единственного числа (*kile-t* 'приходить-3Sg') + специальная стратегия оформления СА № 1
- Они схематически представлены на Рис 2

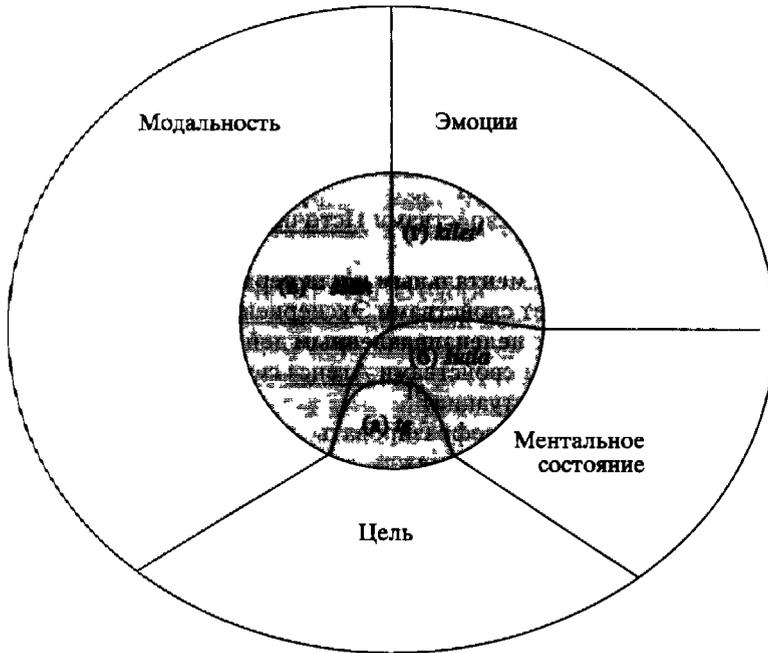

Рис 2 Семантическая зона желания чувашского языка

Поясняя помещение на Рис. 2 средств выражения желания чувашского языка, мы будем опираться на данные об их грамматических и семантических характеристиках, представленных в [Ханина 2003]

- (а) – достаточно сильная каузация, осуществляемая субъектом желания к желаемой ситуации,
  - конверб данного глагола используется как целевой союз,
- (б) – при употреблении другой стратегии оформления своего СА, этот глагол имеет значение 'думать',

³² Упомянутый в 1.2.1 каузативный показатель функционирует как средство выражения желания только с крайне ограниченным числом глаголов, обозначающих физиологические состояния

- (в) – синтаксические критерии не позволяют определить, с одной или двумя предикациями мы имеем дело в случае разносубъектного желания [ср. (2)], что достаточно часто встречается в сфере модальных предложений,
  - другие значения этого аффикса являются аспектуальными и модальными [хабитуалис, актуально-длительное настоящее, намерение, ср (7)],
- (г) – этимология конструкции (*‘что-то приходит ко мне’*) близка эмотивной семантике,
  - это единственное поле семантической зоны желания, зарезервированное для этого средства.

После нанесения средств выражения желания чувашского языка на семантическую схему, становится заметным, что ни одно из них не является "чисто" желательным – все они имеют дополнительные значения, причем скорее эти дополнительные значения могут быть признаны исходными. По-видимому, можно говорить о том, что в процессе диахронического развития средства выражения соседних с желательностью зон постепенно приспосабливались для оформления семантической зоны желания. Таким образом, данные чувашского языка не только на синхронном, но и на диахроническом уровне подтверждают гипотезу об устройстве данного фрагмента единого семантического пространства

2.5.2. Русский язык

Рассматривая данные русского языка, мы ограничимся двумя основными средствами выражения желания – предикатами *‘хотеть’* и *‘хотеться’*, функциональное различие которых рассматривается в работе [Бонч-Осмоловская 2003. 128–132], на которую мы и будем опираться. Определению места более периферийных средств выражения желания на семантической схеме будут посвящены наши дальнейшие исследования

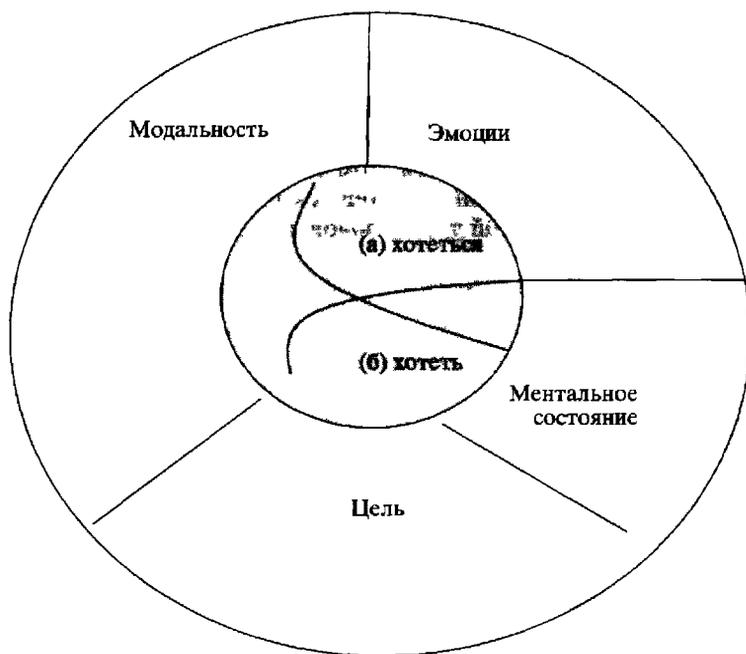

Рис 3 Семантическая зона желания русского языка

Поясним помещение средств русского языка на семантическую схему.

- (а) – ситуация желания не подконтрольна субъекту желания, как в случае эмоций или модальности;
  - субъект желания находится в фокусе эмпатии, что позволяет говорящему иметь некоторую информацию о его ментальном состоянии (~идеях, намерениях);
  - субъект желания кодируется дательным, а не именительным падежом, т.е. его синтаксический статус достаточно низкий, что наблюдается и в случае модальных предикатов (ср. *Ему нужно уйти*);
- (б) – значение глагола представляет собой осознанные намерения субъекта желания, которые он может либо изменить, либо начать реализовывать, что напоминает нам ситуацию целенаправленных действий;
  - осознанные намерения (см. выше) имплицитно подразумевают размышления субъекта желания о желаемой ситуации, что сближает этот предикат с зоной ментальных состояний.

Часть семантической зоны желания, близкая к модальности, осталась свободной, т.к. рассмотренные ядерные средства выражения желания действительно не сближаются по своим свойствам со средствами выражения модальности. Это косвенно подтверждает и русская лингвистическая традиция, которая относит значение желательности скорее к эмотивным, чем к модальным.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данного исследования являлось получение функционально-когнитивного ответа на вопрос о том, что же представляет собой желание участника ситуации. Используя обширный типологический материал, мы выяснили, во-первых, какими могут быть формальные характеристики средств выражения желания (ср. *Раздел 1*), во-вторых, какова их семантическая природа (ср. *Раздел 2*).

Оказалось, что различные языки, в действительности, имеют дело с одной и той же семантической зоной желания, которая занимает одно и то же положение в едином семантическом пространстве. Мы показали, что каждый конкретный язык выбирает, какие именно части данного семантического пространства будут покрываться формальными средствами, находящимися в его распоряжении, будет ли это одно или несколько формальных средств. При этом языки могут использовать одно средство только для выражения смежных частей семантического пространства, но не тех, которые разделены некоторой другой зоной, не использующей это средство³³.

---

³³ Выражаю искреннюю благодарность А.Е. Кибрику и Е.А. Лютиковой за ценные замечания к предыдущим версиям данной работы, а также Н.Р. Добрушиной за предоставленный в мое распоряжение бесценный фактический материал.

Приложение

Русское название языка	Оригинальное название языка	Генетическая принадлежность языка ³⁴	Форма СВЖ	Другие значения СВЖ	Аналогично устроены	Источник сведений о языке
ава пит	Awa Pit	паэсская с, гр барбакоа ³⁵	M ³⁶	(необходимость) ³⁷ , (близкое будущее)	глагольная деривация: проспектив, инцептив, лернатив	[Curnow 1997]
айнский	Ainu	изолят	P, SV	P: намерение; SV: намерение	P: мочь; SV: кончить, мочь, слишком	[Refsing 1986]
акома	Acoma	кересская с	M1, M2	M1: вежливая просьба; M2: собирается, возможно	M1: опатив, экспектив; M2: опатив, мандатив	[Miller 1965]
алюторский		чукотско-камчатская с, чукотско-корякская гр	M1, M2	M1: опатив	M1: остальные наклонения	[Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000]
амеле	Amele	транс-новогвинейская м-с, с маданг адельберт, гр маданг	P	–	внутреннее состояние, понимать	[Roberts 1987]
бабунго	Babungo	м-с нигер-конго, с бенуэ-конго, гр бангу	SV	–	–	[Schaub 1985]
багвалинский/годоберинский	Godoberi	Северокавказская м-с, нахско-дагестанская с, андийская гр	P	любить, нравиться, оказываться нужным	КСА вообще	[Калинина 2001; Haspelmath 1996]
бамана	Bambara	м-с нигер-конго, с манде, гр мандинг	M	принадлежность	–	[Bailleul 1981; Dumestre 1987; Keita 1986]
баскский	Basque/Euskara	изолят	P1, P2, P3, P4, P5	–	P1: СА предикатов, долженствования, возможности, невозможности	полевое исследование, [Haase 1994; King 1997; Zubiri I., Zubiri E. 2000]

³⁴ Источником данных о генетической принадлежности языков послужил сайт Ethnologue.com (www.ethnologue.com).

³⁵ Далее используются следующие сокращения: м-с – макро-семья, с – семья, гр – группа.

³⁶ Далее используются следующие сокращения: М – дезидеративный показатель (аффикс), Р – дезидеративный предикат, SV – специальный глагольный формант, Poss – посессивная конструкция, PeriG – перифрастическая конструкция.

³⁷ Здесь и далее в скобках указываются редко встречающиеся языковые явления.

Приложение. Продолжение

Русское название языка	Оригинальное название языка	Генетическая принадлежность языка	Форма СВЖ	Другие значения СВЖ	Аналогично устроены	Источник сведений о языке
варао	Warao	изолят	М	—	наклонения: индикатив, условное (протезис), императив, потенциальное (мочь)	[Romero-Figueroa 1997]
виннебаго	Winnebago	сиуанская с, центральная гр	Р	—	предикаты согласовательного класса "состояние"	[Lipkind 1945]
волоф Гамбии	Wolof Gambian	м-с нигер-конго, атлантическая с, гр фула-волоф	Р	—	СА предикатов <i>осмеливаться, отказываться, спешить</i>	[Mbassy Njie 1982]
восточный помо	Eastern Pomo	м-с хока, с помо	М1, М2	М2: цель	М1: СА в финитном употреблении – вежливый вопрос, условие	[McLendon 1975]
гуарани	Guarani	с тупи-гуарани	М	—	согласовательная модель: рефлексив, реципрок	[Gregores, Suarez 1967]
имбабура кечуа	Imbabura Quechua	с кечуа	М, Р1, Р2	—	М: предикаты внутреннего состояния (аналогичная синтаксическая конструкция); Р1: СА в финитном употреблении – приказание, цель, юссив; Р2: КСА вообще при равносубъектном желании	[Cole 1982]
индонезийский		австронезийская с, малайско-полинезийская гр	Р(SV1), Р(SV2)	Р(SV)1: нравиться; Р(SV)2: намерение	—	[Алиева и др. 1972]

Приложение. Продолжение

Русское название языка	Оригинальное название языка	Генетическая принадлежность языка	Форма СВЖ	Другие значения СВЖ	Аналогично устроены	Источник сведений о языке
ительменский		чукотско-камчатская с	М	будущее	—	[Володин 1976]
йимас	Yimas	с сепик-раму, гр нор-пондо	Р, М	М: ирреалис (экспектив, цель)	—	[Foley 1991]
кайардилд	Kayardild	тангикская (дангская) с	М1, М2	М1: косв. манипуляция, апотезис; М2: потенциалис (будущее, предписывание, способность, итератив в прошлом, цель)	—	[Evans 1995]
лаху	Lahu	сино-тибетская с, тибето-бирманская гр	М	—	пробовательная частица	[Matisoff 1973]
мангарайи	Mangarayi	с мангарайи	М	намерение	—	[Merlan 1982]
марийский		финно-угорская с, финно-волжская гр	М, Р	—	—	[Сумбатова 2001]
марикопа	Maricopa	м-с хока, с юма	SV	попытка, намерение, начало действия	другие конструкции с этим SV: неспецифицированное желание, слух	[Gordon 1986]
набай	Nabay	австронезийская с, малайско-полинезийская гр	М1, М2	М1: попытка; М2: непроизвольное чувство	—	[Cohen 1999]
незперс	Nez Perce	пенутийская м-с, сахаптинская с	М	очень сильное желание	(аспект)	[Aoki 1970]
немецкий		индоевропейская с, германская гр	Р1, Р2	Р1: любить	Р1, Р2: синтаксис и морфология модальных предикатов	анализ текстов
нкоре-кига	Nkore-Kiga	м-с нигер-конго, с бенуэ-конго, гр банту	Р	—	КСА вообще	[Taylor 1985]

Приложение. Продолжение

Русское название языка	Оригинальное название языка	Генетическая принадлежность языка	Форма СВЖ	Другие значения СВЖ	Аналогично устроены	Источник сведений о языке
островной карибский	Carib	аравакская с, маипуранская гр	SV	—	—	[Hoff 1968]
персидский	Persian	индоевропейская с, иранская гр	P	необходимость, будущее, намерение	СА предикатов способности, долженствования, необходимости, склонности, готовности, надежды	[Рубинчик 2001; Boyle 1979; Windfuhr 1979]
пулаар	Pulaar	м-с нигер-конго, атлантическая с, гр фула-волоф	P	любить	КСА вообще	[Sylla 1982]
рама	Rama	с чибча, мисумальпанская гр	P, M1, M2	M1: цель, обязанность, СА манипуляции; M2: перспектив	P: СА предикатов манипуляции	[Grinevald Ms.]
русский		индоевропейская с, славянская гр	P1, P2	—	P1, P2: СА предиката <i>нужно</i> , целевые ЗП	анализ текстов
санго	Sango	креольский (французский + нгабанди: м-с нигер-конго, атлантическая с, гр адамава-убанги)	P	—	1) СА предикатов <i>намереваться, начинать, продолжать, быть способным</i> 2) СА предикатов <i>говорить, видеть, знать, слышать, понимать, спрашивать, думать, позволять</i>	[Samarin 1967]
сноквалми-дувамиш	Snoqualme-Duwamish dialects of Puget Sound Coast Salish	салишская с, салиш побережья пуджет саунд	P, M	P: любить, нравиться	P: СА в финитном употреблении – субъюнктив (цель, возможность, контрфактическое условие);	[Tweddell 1950]

Приложение. Продолжение

Русское название языка	Оригинальное название языка	Генетическая принадлежность языка	Форма СВЖ	Другие значения СВЖ	Аналогично устроены	Источник сведений о языке
суахили	Swahili	м-с нигер-конго, с бенуэ-конго, гр банту	SV	намерение	М: рескриптив, актантная деривация, актуально-длительное настоящее; согласование, условие перфектив, дуратив, поссибилятив, достижение ожидаемого результата; цель	[Loogram 1965]
таба (макиан далам)	Taba (Makian Dalam)	австронезийская с, малайско-полинезийская гр	Poss	—	(СА предикатов планирования)	[Bowden 1997]
тамилский	Tamil	дравидийская с, гр тамил-каннада	P	нуждаться	СА предикатов <i>начинать, кончать, собираться, намереваться, нет</i> ; перцептивные предикаты (аналогичная модель управления)	[Asher 1985; Андронов 1966]
тараскан (пурепеча)	Tarascan (Purépecha)	изолят	M	—	рефлексив, качество, интенсификация/де-транзитив, продолжение	[LeCron 1969]
татарский		тюркская с, западная (кыпчакская) гр	P1, P2	—	P1: КСА вообще	полевое исследование; [Казенин, Лютикова, Соловьев, Татевосов 2004]
телугу	Telugu	дравидийская с, гр телугу	Perif, P1, P2	P1: нуждаться; P2: думать, чувствовать	Perif: ЗП в облигативе; P2: КСА вообще	[Krishnamurti, Gwynn 1985]

Приложение. Окончание

Русское название языка	Оригинальное название языка	Генетическая принадлежность языка	Форма СВЖ	Другие значения СВЖ	Аналогично устроены	Источник сведений о языке
туханг беси	Tukang Besi	австронезийская с, филиппинская гр	P1, P2	–	P1: СА предикатов ментального восприятия	[Donohue 1999]
удмуртский		финно-угорская с. пермяцкая гр	P	–	КСА вообще при равносубъектности; юссив при разносубъектности	полевое исследование
французский		индоевропейская с, романская гр	P	–	оптатив, ЗП цели при разносубъектности	анализ текстов
хидатса	Hidatsa	сиуанская с	M, P	–	M: итератив, отрицание	[Matthews 1965]
хишкарьяна	Hixkaryana	карибская с, южная гр	SV	любить, нравиться	–	[Derbyshire 1979]
нахурский		северокавказская м-с, нахско-дагестанская с, лезгинская гр	P	любить, нравиться, быть должным, оказываться нужным	КСА вообще	[Бонч-Осмоловская, Лютикова 1999]
чувацкий		тюркская с, болгарская гр	M1, M2, P1, P2, P3	M1: собирается, актуально-длительное настоящее, хабитуалис; M2: каузатив	M1: абилитив	полевое исследование; [Ханина 2003]
шусвап	Shuswap	салишская с, северная гр	P	–	КСА вообще, цель (КСА вообще)	[Kuipers 1974]
энга	Enga	транс-новогвинейская м-с, с восточных новогвинейских высокогорий, западно-центральная гр	P	чувствовать		[Lang 1973]
южный сьерра мивок	Southern Sierran Miwok	пенутийская м-с, с мивок	M	немедленное будущее, готов, прескрипция (в прошлом)	–	[Broadbent 1964]
юкагирский	Yukaghir	изолят	P, (M)	–	P: КСА вообще	[Крейнович 1982; Maslova 2003]
юрюк	Yurok	алгонкинская с, гр юрюк	M	намерение	частицы: время, аспект	[Robins 1958]
юто-ацтекские языки (ка(х)уилла)	Uto-Aztecan (Cahuilla)	ацтеко-таноанская с	P, M	P: нравиться (Cahuilla)	P: КСА вообще	[Langacker 1977]
японский	Japanese	алтайская с (?)	M	–	предикаты внутреннего состояния	[Martin 1975; Shibatani 1990]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиева и др. 1972 – *Н.Ф. Алиева, В.Д. Аракин, А.К. Оглобин, Ю.Х. Сирк*. Грамматика индонезийского языка. М., 1972.
- Андронов 1966 – *М.С. Андронов*. Грамматика тамильского языка. М., 1966.
- Бонч-Осмоловская 2003 – *А.А. Бонч-Осмоловская*. Конструкции с “дательным субъектом” (опыт корпусного исследования на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Бонч-Осмоловская, Лютикова 1999 – *А.А. Бонч-Осмоловская, Е.А. Лютикова*. Актантные предложения // А.Е. Кибрик (ред.). Цахурский язык в типологическом освещении. М., 1999.
- Володин 1976 – *А.П. Володин*. Ительменский язык. Л., 1976.
- Добрушина 2001 – *Н.Р. Добрушина*. К типологии опатива // В.А. Плулган (ред.). Типология глагольных категорий. М., 2001.
- Дульзон 1968 – *А.П. Дульзон*. Кетский язык. Томск, 1968.
- Казенин, Лютикова, Соловьев, Татевосов 2004 – *К.И. Казенин, Е.А. Лютикова, В.Д. Соловьев, С.Г. Татевосов* (ред.). Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань, 2004.
- Калинина 2001 – *Е.Ю. Калинина*. Актантные предложения // А.Е. Кибрик (ред.). Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М., 2001.
- Кибрик 1992 – *А.Е. Кибрик*. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кибрик 2003 – *А.Е. Кибрик*. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000 – *А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.А. Муравьева*. Язык и фольклор алуторцев. М., 2000.
- Крейнович 1982 – *Е.А. Крейнович*. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.
- Майсак 2002 – *Т.А. Майсак*. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
- Мельчук 1998 – *И.А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. 2. Ч. 2: Морфологические значения. М., 1998.
- Плулган 2000 – *В.А. Плулган*. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.
- Рубинчик 2001 – *Ю.А. Рубинчик*. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
- Сумбатова 2001 – *Н.Р. Сумбатова*. Глагольная система марийского языка. Экспедиционный отчет. МГУ, 2001.
- Успенский 1968 – *Б.А. Успенский*. О системе кетского глагола // Кетский сборник: Лингвистика. М., 1968.
- Филлмор 1981 – *Ч. Филлмор*. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
- Ханина 2003 – *О.В. Ханина*. Опыт описания семантической зоны желания и средств ее выражения (на материале чувашского языка) // Вестник МГУ: Филология № 5. 2003.
- Ханина (в печати) – *О.В. Ханина*. Дезидеративные конструкции в языках мира // Сборник работ молодых ученых МГУ-2003. М. (в печати).
- Aoki 1970 – *H. Aoki*. Nez Perce grammar. Berkeley, 1970.
- Asher 1985 – *R.E. Asher*. Tamil. London; Sydney; Dover; New Hampshire, 1985.
- Bailleul 1981 – *Ch. Bailleul*. Petit dictionnaire. Bambara-Français, Français-Bambara. Averbury, 1981.
- Bowden 1997 – *J. Bowden*. Taba (Makian Dalam). Description of an Austronesian language of Eastern Indonesia: Ph. D. Thesis. University of Melbourne. 1997.
- Boyle 1979 – *J.A. Boyle*. Grammar of modern Persian. Wiesbaden, 1979.
- Broadbent 1964 – *S.M. Broadbent*. The Southern Sierra Miwok language. Berkeley, 1964.
- Bybee 1985 – *J. Bybee*. Morphology: a study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Bybee et al. 1994 – *J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago; London, 1994.
- Cohen 1999 – *N. Cohen*. Nabay verb morphology. Summer Institute of linguistics electronic working papers 1999–003. April 1999. URL: <http://www.sil.org/silewp/1999/003/silewp1999-003.pdf>
- Cole 1982 – *P. Cole*. Imbabura Quechua. Lingua descriptive studies. № 5. Amsterdam, 1982.
- Curnow 1997 – *T.J. Curnow*. A grammar of Awa Pit (Cuaiquer): An indigenous language of South-western Colombia: Ph. D. Thesis. Australian national university. 1997.

- Derbyshire 1979 – *D. Derbyshire*. Hixkaryana. *Lingua descriptive studies*. № 1. Amsterdam, 1979.
- Donohue 1999 – *M. Donohue*. A grammar of Tukang Besi. Berlin, 1999.
- Dumestre 1987 – *G. Dumestre*. Le bambara du Mali: Essais de description linguistique: Thèse de Doctorat. Université de Paris III, 1987.
- Evans 1995 – *N.D. Evans*. A grammar of Kayardild. Berlin, 1995.
- Foley 1991 – *W.A. Foley*. The Yimas language of New Guinea. Stanford, 1991.
- Givón 1980 – *T. Givón*. The binding hierarchy and the typology of complements // *Studies in language*. V. 4. № 4. 1980.
- Goddard, Wierzbicka 1994 – *C. Goddard, A. Wierzbicka* (eds.). Semantic and lexical universals: theory and empirical findings. Amsterdam, 1994.
- Goddard, Wierzbicka 2002 – *C. Goddard, A. Wierzbicka* (eds.). Meaning and universal grammar. Theory and empirical findings. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Gordon 1986 – *L. Gordon*. Maricopa morphology and syntax. University of California publications in linguistics. № 108. Berkeley, 1986.
- Gregores, Suarez 1967 – *E. Gregores, J.A. Suarez*. A description of colloquial Guarani. The Hague, 1967.
- Grinevald Ms. – *C. Grinevald*. A grammar of Rama. Ms (рукопись).
- Haase 1994 – *M. Haase*. Tense and aspect in Basque // *R. Thieroff, J. Ballweg* (eds.). Tense systems in European languages. Tübingen, 1994.
- Harkins 1995 – *J. Harkins*. Desire in language and thought. A study in cross-cultural semantics: Ph. D. Thesis. Australian national university, 1995.
- Haspelmath 2003 – *M. Haspelmath*. The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison // *M. Tomasello* (ed.). The new psychology of language. V. 2. Mahwah; New Jersey, 2003.
- Haspelmath 1996 – *M. Haspelmath*. Complementation // *A.E. Kibrik, S.G. Tatevosov, A. Eulenberg* (eds.). Studies in Godoberi. München, 1996.
- Heine 1994 – *B. Heine*. On the genesis of aspect in African languages: the proximative // Proceedings of the 20th annual meeting of the Berkeley linguistic society. Berkeley, 1994.
- Hoff 1968 – *B.J. Hoff*. The Carib language: phonology, morphology, texts and word index. The Hague, 1968.
- Keita 1986 – *B. Keita*. Eléments de description du malinké de Kita (Mali). Publication du centre de dialectologie africaine. Université de Grenoble III, 1986.
- King 1997 – *A.R. King*. Introduction to Basque. Alan R. King's web site at <http://www.eire-link.com/alanking>.
- Krishnamurti, Gwynn 1985 – *Bh. Krishnamurti, J.P.L. Gwynn*. A grammar of modern Telugu. Dehli, 1985.
- Kuipers 1974 – *A.H. Kuipers*. The Shuswap language. Grammar, texts, dictionary. The Hague; Paris, 1974.
- Lang 1973 – *A. Lang*. Enga dictionary. Pacific linguistics. Canberra, 1973.
- Langacker 1977 – *R.W. Langacker*. An overview of Uto-Aztecan grammar. Studies in Uto-Aztecan grammar. V. I. SIL publications in linguistics. V. 56. № 1. Dallas, 1977.
- LeCron 1969 – *F.M. LeCron*. The Tarascan language. University of California publications in linguistics. № 56. Berkeley, 1969.
- Lipkind 1945 – *W. Lipkind*. Winnebago grammar. New York, 1945.
- Loogman 1965 – *A. Loogman*. Swahili grammar and syntax. Duquesne studies. African series. V. 1. Pittsburg, 1965.
- Lyons 1977 – *J. Lyons*. Semantics. Cambridge, 1977.
- Martin 1975 – *S.E. Martin*. A reference grammar of Japanese. London, 1975.
- Maslova 2003 – *E. Maslova*. A grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin; New York, 2003.
- Matisoff 1973 – *J.A. Matisoff*. The grammar of Lahu. Berkeley; Los Angeles; London, 1973.
- Matthews 1965 – *G.H. Matthews*. Hidatsa syntax. London; The Hague; Paris, 1965.
- Mbassy Njie 1982 – *C. Mbassy Njie*. Description syntaxique du wolof de Gambie. Dakar, 1982.
- McLendon 1975 – *S. McLendon*. A grammar of Eastern Pomo. University of California publications in linguistics. № 74. Berkeley, 1975.
- Merlan 1982 – *F. Merlan*. Mangarayi. *Lingua descriptive studies*. № 4. Amsterdam, 1982.
- Miller 1965 – *W.R. Miller*. Acoma grammar and texts. University of California publications in linguistics. № 40. Berkeley, 1965.
- Noonan 1985 – *M. Noonan*. Complementation // *T. Shopen* (ed.). Language typology and syntactic description. V. 2. Cambridge, 1985.

- Palmer 1986 – *F.R. Palmer*. Mood and modality. Cambridge, 1986.
- Ransom 1986 – *E. Ransom*. Complementation: meanings and forms. Filadelfia, 1986.
- Refsing 1986 – *K. Refsing*. The Ainu language. Arhus, 1986.
- Roberts 1987 – *J.R. Roberts*. Amele. London, 1987.
- Robins 1958 – *R.H. Robins*. The Yurok language. Grammar, texts, lexicon. University of California publications in linguistics. № 15. Berkeley, 1958.
- Romero-Figueroa 1997 – *A. Romero-Figueroa*. A reference grammar of Warao. München, 1997.
- Samarin 1967 – *W. Samarin*. A grammar of Sango. The Hague; Paris, 1967.
- Shibatani 1990 – *M. Shibatani*. The languages of Japan. Cambridge, 1990.
- Sylla 1982 – *Y. Sylla*. Grammaire moderne du pulaar. Dakar, 1982.
- Schaub 1985 – *W. Schaub*. Babungu. Croom Helm descriptive grammars. London, 1985.
- Taylor 1985 – *Ch. Taylor*. Nkore-Kiga. Croom Helm descriptive grammars. London, 1985.
- Tweddell 1950 – *C.E. Tweddell*. The Snoqualmie-Duwamish dialects of Puget Sound Coast Salish. University of Washington publications in anthropology. № 12. Seattle, 1950.
- Windfuhr 1979 – *G.L. Windfuhr*. Persian grammar. History and state of its study. The Hague; Paris; New York, 1979.
- Zubiri I., Zubiri E. 2000 – *I. Zubiri, E. Zubiri*. Euskal gramatika osoa. Bilbo, 2000.